

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ
БРЭДДОН

Тайна леди Одли

МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б89

Mary Elizabeth Braddon
LADY AUDLEY'S SECRET

Перевод с английского *Ирины Тогоевой*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Брэддон, Мэри Элизабет.
Б89 Тайна леди Одли / Мэри Элизабет Брэддон ;
[перевод с английского И. Тогоевой]. — Москва :
Эксмо, 2026. — 608 с. — (Всемирная литература
(с картинкой)).

ISBN 978-5-04-242375-8

«Тайна леди Одли» — один из самых известных викторианских романов-сенсаций, в котором изящный блеск светского общества скрывает тревожную и опасную бездну. Мэри Элизабет Брэддон выстраивает повествование с почти ювелирной точностью, постепенно превращая идиллию английской усадьбы в пространство подозрений, умолчаний и тайных страхов.

Леди Одли — очаровательная, хрупкая, безупречно вежливая — кажется воплощением женского идеала своей эпохи. Однако за безмятежной улыбкой таится прошлое, способное разрушить тщательно выстроенную жизнь. Расследование, начатое из любопытства и сомнений, шаг за шагом обнажает историю обмана, отчаянной борьбы за благополучие и границы, которые человек готов переступить ради безопасности и признания.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-242375-8

© Тогоева И.А., перевод на русский язык,
2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

ЛЮСИ

Поместье располагалось в ложине, густо поросшей чудесным старым лесом, перемежавшимся роскошными пастбищами; к дому вела аллея, обсаженная липами, за которыми виднелись луга, где из-за изгородей на прохожих с любопытством и недоумением посматривали коровы.

В конце липовой аллеи высилась арка старых ворот и башня с часами — часы были никуда не годные и вечно всех сбивали с толку своей единственной стрелкой, которая просто перепрыгивала с цифры на цифру; к тому же часы всегда спешили. Миновав ворота, вы попадали в парк поместья Одли.

Перед вами открывалась ровная лужайка с великолепными рододендронами. Справа от нее были огород, зарыбленный пруд и фруктовый сад, окруженные высохшим рвом и остатками разрушенной стены, толщина которой в некоторых местах превосходила ее высоту. Стена эта повсюду поросла пожелтевшей заячьей капустой и темно-зеленым мхом; вдоль нее высились плакучие ивы.

Налево от лужайки вела широкая, посыпанная гравием дорожка, по которой (в ту пору, когда здесь

располагался женский монастырь) прогуливались, богомольно сложив руки, тихие монахини. За дорожкой высились могучие дубы, а со стороны лужайки — изящные зеленые шпалеры.

Обращенный фасадом к арке ворот, дом охватывал три стороны почти прямоугольной лужайки. Он был уже очень стар и форму имел неправильную из-за беспорядочно разбросанных пристроек и флигелей, поражая удивительным разнообразием окон, больших и маленьких, с великолепными каменными наличниками и витражами и в косых переплетах, с плохо закрепленными стеклами, дребезжавшими при малейшем дуновении ветерка. Некоторые из окон были совсем новенькие, словно их прорубили только вчера. Над готическими фронтонами во множестве высились каминные трубы. Казалось, они вот-вот упадут, сломленные слишком долгой жизнью и службой, и только своенравный плющ, добравшийся до самой крыши, служил им опорой — похоже, из жалости. Парадная дверь неожиданным образом втиснулась в угол между главной частью дома и флигелем, словно пряталась там от опасных посетителей, стараясь лишний раз не попадаться никому на глаза. Однако, несмотря на странное местоположение, дверь была благородная — старого дуба, обитая здоровенными гвоздями с квадратными шляпками и такая толстая, что глушила самый громкий стук остроконечного дверного молотка, и посетителям в итоге приходилось дергать за веревку скрытого в зарослях плюща звонкоголосого колокола, ибо возникали опасения, что обычный стук не способен преодолеть эту дубовую твердыню.

Славный старый дом! Под его обаяние незамедлительно попадали все посетители, сразу чувствовавшие желание распрощаться с суетой жизни и остаться здесь навсегда, любясь прохладными прудами и считая пузырьки воздуха, когда плотва и карпы поднимаются к поверхности воды; хотелось вечно наслаждаться покоем, что поселился здесь и распростер свою утишающую длань на каждое дерево и каждый цветок, на мирные пруды и тихие аллеи, на затененные старомодные комнаты, на широкие подоконники за цветными стеклами, на заливные луга и даже на старый колодец с ледяной черной водой, что прятался за садом в густых зарослях шиповника. Скрипучий ворот колодца давно уже никто не крутил; веревка обвисла и совершенно прогнила, а бадья давно сорвалась в воду.

Благородство царило как во внешнем, так и во внутреннем облике дома, однако вы неизбежно заблудились бы, если б опрометчиво решились бродить по нему в одиночестве: здесь ни одна из комнат не была похожа на другую, а пройдя сквозь череду гостиных, вы попадали на узкую лестницу, ведущую к двери, через которую легко оказывались в самой дальней, казалось бы, части дома. Дом этот, разумеется, не мог быть спланирован простым смертным; то была, так сказать, штучная работа самого лучшего зодчего — Времени, которое то добавляло в нем новую комнату, то через год, напротив, разрушало какое-либо из его многочисленных помещений; то громоздило камин эпохи Плантагенетов, то устраивало нечто в стиле Тюдоров; то разваливало стену саксонской эпохи, то строило нечто вроде норманнской арки, то швыряло на фасад ряд узких

высоких окон в стиле королевы Анны, то соединяло столовую, выстроенную в эпоху Георга I, с буфетной времен Норманнского завоевания, — и в итоге исхитрилось еще в XI веке сотворить такой особняк, равного которому невозможно было отыскать во всем графстве Эссекс. Разумеется, в подобном доме не могло не быть разного рода потайных комнат, юная дочь теперешнего владельца дома, сэра Майкла Одли, как-то случайно обнаружила одну такую. Однажды в огромной детской у нее под ногами провалилась доска, и оказалось, что доска эта не закреплена; ее ничего не стоило поднять, и под ней открылась лестница, ведущая в тайник, расположенный между полом детской и потолком комнаты, находящейся этажом ниже. В тайнике можно было только сидеть на корточках или лежать, однако там вполне хватило места для старинного, украшенного причудливой резьбой дубового комода, где хранились облачения католических священников, спрятанные в те жестокие времена, когда жизни человека грозила смертельная опасность уже потому, что он приютил пастыря римской католической церкви или же позволил служить католическую мессу у себя в доме.

Широкий ров, окружавший сад и дом, давно высох и зарос травой; садовые деревья раскинули над ним свои узловатые могучие ветви, обильно нагруженные плодами. Как уже упоминалось, поблизости находился и полный рыбы пруд — кусочек зеркальной водной глади, тянувшейся вдоль сада и граничившей с липовой аллеей. Аллея эта была столь затенена и так хорошо укрыта от нескромных взоров, что представляла собой идеальное место для тайных свиданий или секретных бесед с глазу на глаз. Здесь

равно безопасно было бы и планировать заговор, и слушать пылкие клятвы возлюбленного, хотя находилась аллея всего в двадцати шагах от дома.

В дальнем конце этой темной аллеи все заросло кустарником, среди которого, скрытый перепутанными ветвями и дикими растениями, и находился тот полусгнивший старый колодец, о котором я уже говорила. Несомненно, старый ворот его немало потрудился в ту пору, когда трудолюбивые монахини своими прекрасными ручками доставали оттуда холодную воду, но теперь колодцем совершенно перестали пользоваться, и вряд ли кто-нибудь в поместье Одли помнил, существует ли еще тот колодец или совсем высох. Но сколь бы ни была уединенна и тиха липовая аллея, сомневаюсь, чтобы кто-то пользовался ею сегодня в романтических целях. Часто в прохладные вечера сэр Майкл Одли под руку со своей хорошенькой молодой женой прогуливался по аллее и курил свою сигару, а рядом бежала его собака. Однако уже минут через десять баронету и его супруге наскучивали и густые липы, и спокойствие пруда, по которому плавали широкие листья водяных лилий, и развалившийся колодец в конце аллеи, и они устремлялись назад, в изысканную белую гостиную, где миледи принималась за сонаты Бетховена и Мендельсона, а ее супруг спустя какое-то время засыпал в своем удобном кресле.

Сэру Майклу Одли было пятьдесят шесть лет. Он женился вторым браком всего через три месяца после того, как ему исполнилось пятьдесят пять. Это был крупный полный мужчина, обладавший звучным басом, красивыми карими глазами и белоснежной бородой, невольно его старившей, ибо по харак-

теру он был резв и подвижен, как юноша, и славился в графстве Эссекс в качестве неугомонного наездника. Целых семнадцать лет он прожил вдовцом, воспитывая единственную дочь Алисию, которой в этом году исполнилось восемнадцать и которая, разумеется, не испытывала ни малейшего восторга по поводу появления в их доме мачехи. До сих пор всем в усадьбе заправляла сама мисс Алисия; с самого детства в карманах ее шелковых фартучков позвякивали ключи, которые она теряла в зарослях парка, роняла в пруд и тому подобное — с ключами у Алисии вообще сложились весьма непростые отношения, хотя она была уверена, что способна самостоятельно обеспечить в доме полный порядок.

Теперь эпоха правления мисс Алисии миновала. Когда она спрашивала о чем-либо у экономки, та обычно отсылала ее к миледи или же обещала непременно посоветоваться с ней и позже сообщить мисс Алисии решение хозяйки. Так что теперь дочь баронета, бывшая, кстати, превосходной наездницей и неплохой художницей, старалась большую часть времени проводить вне дома, гуляя по зеленым лужайкам и изображая на холсте деревенских детей, пахарей, лошадей и коров — и вообще все, что попадалось живого у нее на пути. На лице Алисии всегда была написана угрюмая решимость ни в коем случае не допускать до себя молодую жену баронета; и сколь бы благожелательной ни старалась быть последняя, она вскоре обнаружила, что преодолеть предубежденность и неприязнь мисс Одли совершенно невозможно, как невозможно и убедить эту испорченную девчонку в том, что новый брак сэра Майкла вовсе не причинил ей ни малейшего ущерба.

Дело в том, что леди Одли, став женой сэра Майкла, сделала столь блистательную партию, что неизбежно навлекла на себя зависть и даже ненависть всех представительниц своего пола. В здешних местах она появилась в качестве гувернантки дочерей мистера Доусона, здешнего врача, жившего неподалеку от Одли-Корт. О ней не было известно ровным счетом ничего. Она приехала из Лондона по объявлению, которое мистер Доусон поместил в газете «Таймс». Прежде нынешняя леди Одли преподавала в школе в Бромптоне, и рекомендации у нее были превосходные, так что почтенному доктору ничего иного и не потребовалось. И вот мисс Люси Грэхем поселилась в его доме. Достоинства ее были столь замечательны и многочисленны, что казалось странным, как это она вообще откликнулась на простое объявление в газете и согласилась на более чем скромное вознаграждение за свои труды. И тем не менее мисс Грэхем выглядела вполне довольной своим положением; она обучала девочек доктора играть на фортепьяно сонаты Бетховена и писать натюрморты в духе Крезуика, а по воскресеньям трижды посещала маленькую скромную церквушку, для чего ей приходилось идти через всю деревню, весьма скучную и расположенную в стороне от шумных дорог. Все это она проделывала с удивительным спокойствием и готовностью, как если бы в этом мире не существовало для нее иной, более достойной заботы.

Свидетели единодушно подтверждали это и считали, что частью доброжелательной и тонкой натуры мисс Грэхем являлось стремление быть легкой и приятной в общении со всеми и выглядеть счастливой и довольной при любых обстоятельствах.

Казалось, куда бы она ни шла, она повсюду приносила с собой радость и свет. В хижины бедняков ее лицо заглядывало подобно солнечному зайчику. Она могла провести целых четверть часа в беседе с какой-нибудь старухой и, по всей видимости, получала такое же удовольствие, видя восхищение старой карги, как если бы слышала изысканные комплименты со стороны какого-нибудь маркиза; после же ее ухода (она не делала никаких подарков, поскольку ее ничтожное жалованье не давало ей никаких возможностей проявлять щедрость) старухи буквально таяли от восторга и всячески славил ее привлекательность, красоту и доброту. Хотя и половины подобных восторгов не доставалось, например, жене викария, которая многих из них кормила и одевала. А все потому, что мисс Люси Грэхем обладала тем поистине магическим обаянием, благодаря которому женщина способна приворожить любого одним своим словом, опьянить одной своей улыбкой. Ее любили буквально все. Мальчик, с пылом настоящего рыцаря распахивавший перед ней тяжелую железную калитку, тут же мчался домой к матери, чтобы сообщить, сколь прекрасна мисс Люси и сколь сладок был ее голосок, когда она благодарила его за эту маленькую услугу. Служка в церкви, провожавший ее к скамье, занимаемой семьей доктора; викарий, видевший во время своей простенькой проповеди ее кроткие синие глаза; носильщик с местной железнодорожной станции, иногда доставлявший ей письмо или посылку и всегда абсолютно безвозмездно; сам доктор и его гости; ее ученицы, слуги в доме — да все люди как самого высокого, так и низкого происхождения единодушно заверяли, что Люси Грэхем — самая замечательная девушка на свете.

Возможно, слух о ней достиг и тихой усадьбы Одли, а может быть, то было следствием лицезрения ее хорошенького личика во время воскресной службы, но как бы там ни было, а достоверно известно, что сэр Майкл внезапно почувствовал острое желание познакомиться с гувернанткой мистера Доусона поближе.

Ему достаточно было лишь намекнуть, и почтенный доктор тут же устроил небольшую вечеринку, на которую были приглашены викарий с женой и баронет с дочерью.

Тот тихий вечер и поставил навсегда роковую печать на судьбе сэра Майкла. Он не смог более сопротивляться ласковому обаянию кротких синих глаз, изяществу стройной шеи и гордо посаженной головки, волнующей прелести роскошных кудрей и волшебству грудного нежного голоса — той совершенной гармонии, что лежит в основе всякого женского очарования, а в этой женщине казалась особенно сильной. Да, то была сама Судьба! До этого сэр Майкл никогда не любил. Его брак с матерью Алисии был всего лишь скучной формальной сделкой, призванной удержать поместье во владениях семьи Одли, — не больше. А его чувство к первой супруге тлело жалким, чадающим огоньком, слишком заурядное, чтобы погаснуть самому, и слишком слабое, чтобы сколько-нибудь обжечь. Но сейчас!.. О, то была сама Любовь! Она порождала лихорадку, тоску, мучительное беспокойство и вечное ожидание; сэр Майкл жестоко страдал, опасаясь, что его возраст явится непреодолимой преградой на пути к счастью. Теперь он ненавидел свою седую бороду и страстно мечтал вновь стать молодым и обладать теми же блестящими, черными как вороново крыло

волосами и той стройной талией, что и двадцать лет назад. Его бессонные ночи и наполненные грустью дни словно озарялись ярким светом, когда ему выпадал случай невзначай увидеть в окне прелестное лицо мисс Грэхем. Все эти признаки даже слишком ясно указывали, что в свои трезвейшие пятьдесят пять лет сэра Майкла угораздило заболеть той ужасной лихорадкой, что зовется Любовью.

Не думаю, чтобы хоть раз за весь период ухаживаний баронет посмел строить расчеты на безусловной привлекательности собственного финансового и социального положения. Если даже он когда-либо и вспоминал об этих обстоятельствах, то, пожав плечами, тотчас гнал от себя коварные мысли. Ему было бы слишком больно поверить хотя бы на мгновение, что столь прелестная и невинная девица способна польститься на великолепную усадьбу или благородное древнее имя. Нет, его надежды покоились совсем на ином: он считал, что, поскольку вся жизнь мисс Грэхем прошла в бесконечных трудах и финансовой зависимости от нанимателей и поскольку она еще так молода (никто доподлинно не знал, сколько ей лет, но по виду вряд ли можно было дать больше двадцати), она, возможно, еще никогда не испытывала ни к кому сердечной привязанности, а значит, он будет первым достойным претендентом на ее руку и сможет, благодаря нежному вниманию и благородству, безграничной любви и почти отцовской заботливости, попытаться завоевать ее юное сердце и первую робкую любовь. Несомненно, он отдавал себе отчет в том, что невольно предается романтическим и малореальным мечтаньям, однако действительность оказалась к нему

весьма благосклонной. Люси Грэхем, как выяснилось, явно не без удовольствия принимала знаки внимания со стороны баронета, однако в ее поведении не было и намека на пустое кокетство, избравшее целью завоевание сердца богатого мужчины. Она так привыкла к всеобщему восхищению, что поведение сэра Майкла не произвело на нее сколько-нибудь значительного впечатления. А сам он уже так давно жил вдовцом, что окружающие расстались с мыслью о каком-либо повторном браке с его стороны. И все-таки в конце концов миссис Доусон не выдержала и затеяла со своей гувернанткой разговор на эту тему. Обе они в этот момент находились в классной комнате; Люси вносила завершающие поправки в акварельные работы своих учениц.

— А знаете, моя дорогая, — сказала миссис Доусон, — мне кажется, вам следует считать себя исключительной счастливицей.

Люси подняла голову и вопросительно посмотрела на хозяйку, отбросив назад пышные выющиеся волосы удивительной красоты — мягкие, пушистые, воздушные, они образовывали вокруг ее лица некую золотистую ауру, особенно в солнечном свете.

— Что вы хотите этим сказать, дорогая миссис Доусон? — удивилась она и обмакнула кисточку в бледный аквамарин, тщательно пробуя ее на палитре, прежде чем добавить чуть-чуть аквамарина в изображенные на рисунке закатные облака и оттенить линию горизонта.

— Ах, моя дорогая, всего лишь то, что вы легко можете стать леди Одли, хозяйкой старинного поместья.

Люси уронила кисть и отчаянно покраснела до самых корней своих светлых волос, а потом так же резко побледнела.